

Sophie Hohmann, Clarie Mouradian, Silvia Serrano, Julien Thorez (eds.). *Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era.* L.; N.Y.: IB Tauris, 2014. 399 p.

В рецензии рассматривается книга «Развитие в Центральной Азии и на Кавказе: миграция, демократизация и неравенство в постсоветскую эпоху», ставшая результатом международного исследовательского проекта с участием историков, антропологов, политологов, демографов и представителей ряда других научных дисциплин. Ключевая идея сборника, которая так или иначе объединила всех его участников, — это характеристика постсоветского Кавказа и Центральной Азии в качестве «нового глобального Юга». Именно под этим углом зрения в сборнике изучаются проблемы бедности, миграции, социального неравенства, государство- и нацистроительства.

Ключевые слова: постсоветское пространство, «новый Юг», Центральная Азия, Кавказ, постколониальные исследования, миграция, бедность, неравенство.

В начале 1990-х гг., когда многие готовы были, вслед за Фрэнсисом Фукуямой, поверить в скорый «конец истории» [Фукуяма 2007], доминирующей парадигмой для объяснения процессов, происходящих на постсоветском пространстве, стала транзитология. Посткоммунистические трансформации трактовались как отход от авторитаризма и плановой экономики и движение в сторону «нормального» либерально-демократического государства. Однако к концу того же десятилетия стала нарастать критика транзитологической парадигмы [Капустин 2001], когда все яснее становилось, что целый ряд ее положений не вполне адекватно описывает текущие тенденции, по крайней мере в бывшем СССР. Но, отмечая идею «демократического транзита» как общей рамки для понимания происходящего на постсоветском пространстве, что мы готовы предложить взамен? И возможно ли вообще вписать посткоммунистические трансформации в какую-то общую концептуальную рамку? Сегодня, спустя четверть века после крушения СССР, общепринятого ответа на эти вопросы не существует. Дискуссия продолжается, и рецензируемая книга, убежден, станет заметным вкладом в нее.

Денис Эдуардович Летняков
 Российская академия
 народного хозяйства
 и государственной службы,
 Москва
 letnyakov@mail.ru

Книга стала результатом исследовательского проекта «Постсоветский Кавказ и Центральная Азия: другой Юг?» (2007—2011), мотором которого выступила группа французских ученых, обозначенных на обложке сборника в качестве его редакторов. Они, в свою очередь, привлекли к работе над проектом коллег из Японии, России, Грузии, Таджикистана, Азербайджана и ряда других стран. Летом 2011 г. итог научным изысканиям подвела большая конференция в Алматы, а затем увидела свет и эта книга, ставшая, таким образом, плодом многолетних усилий международной команды исследователей.

Как отмечается во введении, задающем концептуальные рамки всего сборника, главная цель проекта и выросшей из него книги — проанализировать траекторию развития Центральной Азии и Южного Кавказа в постсоветский период и вписать ее в глобальный контекст. Каким же образом предлагается это сделать? Известно, что после распада СССР перестало быть актуальным прежнее трехчастное деление мира на капиталистический, социалистический и развивающийся; на смену прежней глобальной конфигурации пришла оппозиция «Север / Юг», отражающая неравномерность развития современного мира. Соответственно и общую логику происходящих процессов в новых независимых государствах Центральной Азии и Кавказа после 1991 г. предлагается рассматривать прежде всего с точки зрения их вхождения (если не сказать провала) в глобальный Юг. Какова позиция этих стран в новых линиях раздела современного глобализирующегося мира? Является ли эвристически ценным использование понятия «Юг» для анализа указанных регионов постсоветского пространства? Можно ли применять к Центральной Азии и Кавказу теоретические подходы вроде *postcolonial studies*, которые используются в отношении других частей мировой периферии? Вокруг этих и других подобных вопросов выстроена проблематика тринадцати глав сборника, написанных антропологами, социологами, политологами, демографами и представителями других областей научного знания.

Все тексты структурированы в четыре раздела. Первый объединяет главы, генерирующие дискуссию по поводу возможности использования понятий вроде «постколониальный» и «постсоветский» применительно к странам Центральной Азии и Южного Кавказа. Клер Мурадян прослеживает истоки колониального дискурса и имперских административных практик, используемых Россией на своей южной периферии, прежде всего на Кавказе. По мнению Мурадян, при всех различиях между Российской империей и СССР их объединяет, во-первых, европоцентризм, исходящее из имперского центра представление о принадлежности к «высшей цивилизации», которая на-

вызывает другим свою культуру и видение мира, цивилизует свои недоразвитые окраины (а потому между Екатериной II, мечтавшей о смягчении «свирепых нравов» горцев под русским правлением, и большевистским деятелем Г. Зиновьевым, рассуждавшем о задаче русского пролетариата оказать помощь «отсталым трудящимся Востока», разница лишь стилистическая); во-вторых, восприятие Кавказа как объекта для эксплуатации, использования его ресурсов и заселения. Причем одно было тесно связано с другим — колониальное доминирование России-СССР на своих южных окраинах всегда оправдывалось необходимостью поддержки и развития этих «отсталых» территорий.

Стоит заметить, что исследование Мурадян не сводится лишь к реконструкции колониального дискурса, значительная его часть представляет собой довольно подробный анализ практик имперского управления Кавказом, который стал своеобразной лабораторией по созданию и апробации различных административных моделей (только вариантов территориальной реорганизации Кавказа с 1775 по 1880 гг. было не менее восьми). В центре внимания французского историка — попытки царского правительства нащупать баланс между центральными и местными властями, между автохтонными и имперскими институтами; стратегии интеграции местных элит, переселенческая и экономическая политика империи на Кавказе.

Следующая глава раздела невольно воспринимается как полемика по отношению к предыдущей, хотя посвящена она совершенно другой теме и другому региону. Ее автор, Тэцуро Чидэ, основываясь на архивных материалах Отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС, рассматривает кадровую политику Москвы и систему партийного контроля в отношении Средней Азии в брежневскую эпоху. Из анализа Т. Чидэ следует, что, хотя СССР и имел «псевдофедеративную структуру», отношения между центром и периферией и степень автономии республиканских элит довольно сильно отличались в различные периоды советской власти. В частности, брежневский режим, основываясь на принципе «доверия кадрам», свел до минимума практику вмешательства в кадровые вопросы в республиках. Даже при поступлении «сигналов с мест» о каких-то нарушениях центр обычно ограничивался рекомендацией провести расследование силами самих же национальных элит. В результате руководители среднеазиатских республик получили значительную политическую автономию, к которой они успели привыкнуть за долгое брежневское правление. Не удивительно, что попытка «наведения порядка» в республиках («хлопковое дело» и т.д.), предпринятая после смерти Брежнева, была крайне негативно воспринята на мес-

тах как нарушение статус-кво и уже в период перестройки привела к росту центробежных настроений среди национальных элит.

Взаимная полемичность двух первых глав книги заключается в следующем: если для К. Мурадян колониальная природа и Российской империи, и СССР является несомненной, то выводы японского исследователя позволяют проблематизировать этот тезис. Чиды показывает, что местные партийные кадры не только служили исполнителями указаний, поступающих из Москвы (как это часто видится в рамках парадигмы «СССР — последняя империя»), но и нередко вели собственную игру и реализовывали свои интересы. В этом смысле любопытны и выводы Чиды относительно института второго секретаря в республиках. Почти всегда будучи этнически русскими, вторые секретари обычно воспринимаются как «смотрящие» из центра и противопоставляются местным элитам. В действительности же эти люди нередко делали карьеру внутри национальных республик, десятилетиями продвигаясь там по партийной лестнице, а потому были так или иначе вовлечены во внутриреспубликанские связи, группировки и пр., становясь частью внутриэлитного баланса на местах. Не говоря уже о том, что их власть никогда не превосходила объем полномочий первых секретарей республик.

Автор третьей главы, Сергей Абашин, размышляет о возможности и границах использования категории «нация» для анализа обществ постсоветской Центральной Азии, о применимости постколониального дискурса к этому региону (по его мнению, «нет ни одной [центрально-азиатской страны], в которой власти и большинство населения были бы готовы назвать советский период колониальным» — Р. 88). Однако наиболее интересным мне показался вопрос о том, как сегодня можно «аналитически реконфигурировать» бывшее советское пространство. Стоит ли его, как и прежде, рассматривать в качестве чего-то единого («постсоветские страны», «государства СНГ» и т.д.) или же продуктивнее как-то его фрагментировать, выделив отдельные кластеры и группы стран. Как показывает сам исследователь, в первом случае велик риск искусственного наделения этой территории особой спецификой по сравнению с другими регионами, а также игнорирования ее внутренней сложности и непохожести составляющих ее государств; во втором случае мы невольно пренебрегаем «совместным историческим опытом» постсоветских государств и тем очевидным фактом, что многие социально-политические, экономические и культурные институты и практики новых независимых государств Евразии родом именно из советского времени. Выход из этой дилеммы состоит в избирательном использовании катего-

рии «постсоветский». Иногда она действительно бывает весьма полезной и продуктивной для анализа, в других же случаях в отношении центрально-азиатских обществ вполне можно использовать иные понятия: «переходные общества», «несостоявшиеся государства», «новая периферия», «новый Юг» и т.д. Каждый из этих концептов высвечивает какие-то особенности этого региона, которые не видны в рамках других объяснительных схем, тогда как упор на какую-то одну аналитическую модель спрямляет, упрощает действительность, которая «имеет разорванный, гибридный характер» (Р. 94).

Тему поиска адекватного аналитического конструкта для описания стран бывшего СССР продолжает в своей главе Георгий Тархан-Моурави. Он обосновывает правомерность использования понятия «постсоветский Юг» для восьми государств бывшего СССР: трех стран Южного Кавказа и пяти — Центральной Азии. По мнению грузинского политолога, все эти общества объединяют схожие вызовы и проблемы. В экономической сфере — низко производительное сельское хозяйство, где занята основная часть населения, массовая трудовая миграция в более благополучные страны, критическая зависимость экономики от добычи или транзита сырья. В политической сфере — слабость институтов, проблемы с демократией, межэтнические или иные военные конфликты в прошлом или настоящем. В ценностной сфере — особая политическая культура, для которой различные неформальные отношения и лояльности важнее идеологических или партийных расхождений. Это делает политику более персоналистской, образуя различные патрон-клиентские сети, клановые, субэтнические и территориальные объединения.

При этом Тархан-Моурави показывает не только допустимость объединения упомянутых государств в единый регион, но и возможности дифференциации «постсоветского Юга», выделения внутри него кластеров, сформированных по различным признакам (ведь страны Центральной Азии и Кавказа различаются по конфессиональным и культурным критериям, наличию или отсутствию природных ресурсов, своей геополитической ориентации, степени жесткости политических режимов и пр.). В будущем, по мере преодоления советского наследия, нас, скорее всего, ждет дальнейшее расхождение траекторий развития внутри «постсоветского Юга», полагает автор.

Еще один неотъемлемый атрибут стран, принадлежащих к условному Югу, помимо колониального наследия, — это проблема социального неравенства и бедности, сложности экономического развития. Этим темам посвящена вторая часть сборника. Здесь Хелен Руселот анализирует экономики пост-

советского Казахстана и Туркменистана, двух богатых углеводородами государств Центральной Азии, в отношении которых используется дефиниция «рентное государство» (*rentier-state*), т.е. страна, живущая за счет перераспределения ресурсной ренты. Х. Руселот показывает, что при всей схожести «кормовой базы» казахстанского и туркменского режимов, конкретные экономические стратегии рентных государств все же могут довольно сильно различаться.

Саодат и Музафар Олимовы посвятили свою главу проблеме человеческого капитала в Таджикистане, обесценивание которого приняло в постсоветский период просто катастрофические масштабы. Таджикистан стал страной, которая сильнее всех пострадала от распада СССР: за первые десять лет независимости подушевые доходы сократились на 85 %, в стране появились неграмотные, наблюдаются деурбанизация и деиндустриализация. С одной стороны, структурная перестройка экономики привела к резкому сокращению спроса на квалифицированную рабочую силу, с другой стороны, быстрыми темпами стали расти отрасли, где требуются работники с низкой квалификацией (торговля и сфера услуг). Кроме того, увеличение неравенства в обществе и сворачивание системы социальной защиты затрудняет доступ к качественному образованию детям из бедных семей (особенно девочкам), а массовая трудовая миграция из страны заставляет детей отрываться от учебы и выполнять домашнюю работу вместо уехавших взрослых. И хотя советское наследие еще позволяет Таджикистану значительно опережать по объему человеческого капитала другие страны Юга с похожим уровнем ВВП на душу населения, все же тенденции в этой сфере представляются авторам достаточно тревожными.

В заключительной главе раздела Сесиль Лефевр и Софи Оманн проблематизируют понятие бедности на примере стран Центральной Азии и Кавказа. Как следует из текста, эта социально-экономическая категория, которая прочно ассоциируется со странами Юга, вовсе не является четкой и однозначной. Используя различную методологию при подсчете бедности, мы можем получить в Азербайджане 0 %, 5,3 % и 15,8 % бедных, в зависимости от того, берем мы за основу критерии Всемирного банка (существование на 1,25 \$ в день), индекс бедности ООН (*Multidimensional Poverty Index*) или так называемый национальный уровень бедности соответственно. Следовательно, статистикой бедности можно манипулировать, ее можно использовать в избирательных и пропагандистских кампаниях (например, для обоснования верности избранного политического курса). Показатели бедности могут служить аргументом для обращения за международными займами или даже под-

верстываться под геополитическую стратегию правящей элиты: «Грузия, например, склонна минимизировать цифры бедности в попытке присоединиться к Западу, в то время как страны вроде Таджикистана используют данные о бедности, чтобы оправдать обращение за международной помощью» (Р. 184).

Бедность и экономические проблемы порождают в странах Юга феномен трудовой миграции в более богатые регионы. Эта тема анализируется в третьей части книги. Жулиен Торез показывает, что один из наглядных аргументов в пользу оценки постсоветской трансформации Центральной Азии и Кавказа как процесса “third-worldization” (по-русски это можно перевести как «движение в сторону третьего мира») состоит в массовой трудовой миграции из этих регионов в Россию. Феномен миграции сыграл важную роль в реинтеграции постсоветского пространства, фрагментированного в первые годы после распада СССР. Уже с конца 1990-х гг. Центральная Азия вновь включилась в довольно тесные отношения с Россией, основанные на движении людей, товаров и капитала; благодаря трудовым мигрантам было восстановлено транспортное сообщение между Россией и Центральной Азией, которое в начале 1990-х гг. пережило настоящий коллапс (в 1996 г. между Таджикистаном и Россией осуществлялся один регулярный рейс, в 2002 г. — уже 11, в 2008 г. — 29). Направления миграционных потоков воспроизводят на новом историческом этапе прежние отношения «центр — периферия» и вполне соотносятся с классической постколониальной ситуацией (хотя миграционные потоки из Кыргызстана и Узбекистана в Казахстан не позволяют говорить о чисто постколониальном случае).

Казахстан вообще сильно запутывает ситуацию и демонстрирует, что в этой постсоветской дихотомии «Север / Юг» не все так однозначно. Ведь условным Севером должна, по идее, выступать Россия как бывшая метрополия, однако главный экономический разрыв на постсоветском пространстве проходит по южным границам Казахстана, а не России: Казахстан представляет собой динамично развивающуюся страну, средний уровень доходов в которой не сильно уступает российскому, более того, по итогам 2015 г. Казахстан скорее всего даже обгонит Россию по ВВП на душу населения. Кроме того Казахстан, как отмечено выше, стал важным центром миграционного притяжения в регионе, уже сейчас составляя России серьезную конкуренцию. Все это никак не соответствует привычной ситуации «бывшие колонии vs. бывшая метрополия».

Четкому разграничению между Севером и Югом на пространстве бывшего СССР мешает и тот факт, что после 1991 г. нера-

венство в развитии усилилось не только между отдельными государствами, но и внутри них. Некоторые дотационные российские регионы имеют вполне «периферийные» социально-экономические показатели; повсюду крупные мегаполисы как точки роста сосуществуют с депрессивными территориями; растет разрыв между городами и сельской местностью. Кроме того, гигантские разрывы в уровне жизни могут образовываться даже в рамках одного региона (пример — формирование в городе элитных районов, с одной стороны, и «трущоб» — с другой).

Глава Натальи Зотовой и Виктора Агаджаняна, хотя и связана непосредственно с темой миграции, все же, как мне показалось, несколько выбивается из общего ряда, поскольку в ней предметом анализа является не феномен миграции как таковой, а методология исследования этого феномена. Зотова и Агаджанян рефлексиируют по поводу опыта их собственного исследования «Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве», проводившегося в 2010 г. Как отмечают авторы, общая установка исследования состояла в том, чтобы посмотреть на вопрос миграции не через сухие цифры статистики, прагматичную логику выгод и издержек от мигрантов для принимающей стороны (а именно такой подход доминирует в российских migration studies), но чтобы увидеть миграционные процессы глазами самих его участников, понять надежды, страхи и трудности мигрантов, их восприятие новой для себя жизненной ситуации.

При этом методология исследования Зотовой и Агаджаняна имела одну особенность, отраженную в заголовке главы: «Мигранты изучают мигрантов». Проект был построен на серии глубинных интервью, которые проводили не профессиональные интервьюеры, а такие же женщины-мигранты из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Специалистам, занимающимся социологией и культурной антропологией, наверняка будет интересно познакомиться с размышлениями авторов относительно преимуществ, возможностей и трудностей выбранной ими методики, относительно восприятия самими интервьюерами жизненных историй, услышанных во время работы «в поле», и пр.

В третьей главе миграционного раздела Анн Ле Уэру изучает практики управления трудовой миграцией в России на примере Омской области, где она проводила полевые исследования в 2009–2010 гг. Ле Уэру убедительно показывает амбивалентность миграционной политики в России, где причудливо переплетаются либеральные и рестриктивные меры, где потребности бизнеса в дешевой рабочей силе сталкиваются с ксе-

нофобскими настроениями большинства населения, политизирующими вопрос миграции, где постимперские практики доминирования переплетаются с наследием советской национальной политики. В качестве примера последнего указывается на включение в общественный совет при ФМС представителей диаспор, с которыми власти взаимодействуют как с «законными» представителями соответствующих этнических групп. Это, по мнению Ле Уэру, является прямым отголоском советской политики “affirmative action”, конструирования национальных элит и социальных групп на этнической основе. Ле Уэру демонстрирует, как эти сложные тенденции находят воплощение в конкретном российском регионе на границе с Казахстаном, являющемся центром притяжения для мигрантов из Центральной Азии и Китая.

Авторы последней части сборника концентрируются на глобальном контексте, рассматривая вопросы диаспоры, влияния на регион внешних игроков и международных организаций. Текст Сергея Румянцева посвящен политике создания и управления диаспорой в постсоветском Азербайджане. Автор вводит понятие «постсоветская бюрократическая диаспора», имея в виду, что, во-первых, азербайджанская диаспора была сознательно сконструирована правящим режимом после 1991 г. как политический проект, во-вторых, что азербайджанские диаспорные структуры существуют в форме своеобразной пирамиды (от городских и региональных организаций в разных странах до Координационного совета азербайджанцев мира), созданной при непосредственном участии властей. Азербайджанский режим целенаправленно создал «политико-патриотический миф» о существовании глобального сообщества рассеянных по всему миру азербайджанцев, которые понимаются как гомогенная в этнонациональном и культурном смысле группа — «единая и неделимая часть азербайджанского народа» (Р. 310).

Главным побудительным мотивом для создания диаспоры стал конфликт вокруг Нагорного Карабаха. По мысли азербайджанской элиты, живущие за границей азербайджанцы должны были представлять нужную точку зрения на этот конфликт в России, США и Западной Европе и противостоять в информационной войне «мировому армянству». Позже дискурс диаспоры стал важным компонентом официальной идеологии и частью культа Г. Алиева, который не только создал национальное государство азербайджанцев, но и собрал воедино «50-миллионный» азербайджанский народ и продолжает заботиться о нуждах азербайджанцев всего мира. Таким образом, создание диаспоры стало важным инструментом, используемым режимом как во внутренней, так и во внешней политике.

В последние годы у нас стало модно оперировать понятием «мягкая сила», оно вошло в официальные документы типа Концепции внешней политики РФ, был создан ряд институций, призванных реализовывать российские интересы с помощью инструментов “soft power” (фонд «Русский мир», Фонд Горчакова). Между тем очевидно, что информационные и культурно-символические ресурсы пока не самый сильный козырь российской внешней политики. Тем интереснее посмотреть на опыт наших конкурентов в центрально-азиатском регионе, что позволяет сделать глава Стефана де Тапия. Французского ученого интересуют политические и культурные инструменты, с помощью которых Турция обеспечивает свое присутствие в Центральной Азии в последние двадцать пять лет, когда, воспользовавшись новой геополитической ситуацией после распада СССР, она попыталась включить в орбиту своего влияния тюркоязычные государства региона. Среди прочего в главе анализируется деятельность как частных, так и контролируемых государством институций (вроде Турецкого агентства по сотрудничеству и развитию, Институтов Юнуса Эмре и пр.), различных “think tanks”, медиа и образовательных учреждений, которые занимаются изучением Центральной Азии и (или) являются популяризаторами турецкой культуры и проводниками политического влияния Турции в регионе.

Де Тапия замечает, что действия различных проводников турецкой «мягкой силы» далеко не всегда отличаются согласованностью. Например, отдельные акторы делают акцент на идеях пантюркизма, другие — на тюрко-исламском синтезе и т.д. Такой идеологический разнобой является следствием проблем с идентичностью внутри самой Турции, которая уже много десятилетий находится на своеобразном перепутье между Европой и Азией (символически выраженном даже в ее географии), колеблется между идеалами кемалистского секуляризма и исламского модернизма и не до конца понимает, какие исторические корни ей следует предъявить в качестве своей первоосновы. Да и сами центральноазиатские государства, освободившись в 1991 г. от плотной опеки «старшего брата» из Москвы, не спешат искать ему замену, поэтому вопрос о том, существует ли в действительности единый «тюркский мир», за который ратуют турецкие идеологи, продолжает оставаться открытым.

Заключительная глава книги написана молодым исследователем, работающим в Великобритании, Маной Фаруги. Ее текст — это попытка взглянуть на процессы, происходящие в переходных обществах, вне точки зрения западно-центристского подхода с его универсальным нормативным идеалом в виде либеральной демократии. В центре ее внимания — уста-

новление правящим кланом Таджикистана контроля за основными ресурсами страны и активное формирование патрон-клиентских сетей — процессы, которые неизменно осуждаются большинством западных экспертов как проявление трайбализма и коррупции, как опасная патология, угрожающая стабильности таджикского государства и превращающая его в failed state. В свою очередь, Фаруги использует альтернативные концепции вроде идеи «политического рынка» (“political marketplace”) А. де Ваала, который рассматривает патрон-клиентские отношения как естественный заменитель формальных государственных институтов в случае, если последние не могут обеспечить стабильность и безопасность в обществе. Таким образом, существование патрон-клиентских сетей не нужно расценивать как признак слабого, нестабильного государства. Напротив, государство, которое имеет возможность вести успешные переговоры с различными акторами внутри страны, является более устойчивым, нежели то, которое целиком зависит от внешней финансовой помощи (а именно таким был Таджикистан до начала 2000-х гг.). Система неформального перераспределения ресурсов создает соревнование, которое работает как политический рынок, где лояльность режиму покупается или продается в обмен на доступ к ресурсам в политических переговорах различных элитных групп, в чем и заключается залог достижения политической стабильности. Не стоит забывать и тот факт, что семейственность и клановость стали ответом таджикского общества на сложные условия, в которых оно оказалось в период гражданской войны и послевоенной разрухи, став для многих единственной возможностью выжить в стране с развалившейся экономикой и системой социальной поддержки.

Поэтому то, что происходит в Таджикистане, не есть что-то фатальное, свидетельствующее о провале процесса state-building, скорее это попытка общества приспособиться к новым условиям независимого постколониального существования, найти собственную модель политического развития. Попытка, которая является гораздо более перспективной для дальнейшей судьбы таджикского общества, нежели бесконечно далекие от реальности рецепты экономической и политической стабилизации, которые навязывают Таджикистану международные финансовые организации.

Говоря об общей оценке сборника, я бы отметил, что теоретическая установка, выбранная его авторами, по прочтении всех текстов кажется вполне убедительной. Действительно, общая логика трансформации обществ Центральной Азии и Южного Кавказа после 1991 г. вполне может быть описана как движение в сторону глобального Юга. Демонтаж вместе с пост-

тоталитарным режимом советской системы образования и социальной защиты, распад прежних экономических связей привели к демодернизации экономики и всего общества, сократили ВВП на душу населения в ряде стран региона до уровня государств Субсахарной Африки, породили громадное социальное неравенство и бедность, которая стала причиной массовой трудовой миграции, прежде всего в Россию. Некоторые бывшие советские республики, подобно многим другим государствам Юга, пережили вооруженные конфликты и политические перевороты, а ряд из них вполне может квалифицироваться в качестве failed state, в большой степени зависимых от финансовой помощи извне. Сложно говорить и об успешном политическом транзите. Как отмечается в книге, если политический переход в странах Центральной Азии и Кавказа и произошел, то только «от одной формы авторитаризма к другой» (Р. 8).

Вместе с тем рецензируемый сборник продемонстрировал и определенные пределы применимости выбранной аналитической схемы. Так, С. Абашин убедительно показал, что постколониальный подход для постсоветской Центральной Азии в чистом виде вряд ли может быть продуктивным; кроме того выясняется, что границы «постсоветского Юга» не так просто определить, ведь и Россия, которая в рамках данной парадигмы должна относиться к условному Северу, прошла после 1991 г. через трансформации вполне в духе своих южных соседей — ее тоже затронули процессы деиндустриализации, примитивизации экономики, роста структурного неравенства, бедности и т.д. Однако вряд ли высказанное соображение стоит рассматривать в качестве серьезной критики самого подхода авторов книги, скорее речь идет о возможном направлении дальнейших исследований и дискуссий.

Что касается других критических замечаний, то их очень немного. Например, можно было бы заметить, что, хотя в названии сборника фигурируют Кавказ и Центральная Азия, баланс в книге явно смещен в пользу последнего региона. Конкретно Кавказу посвящены лишь две статьи — К. Мурадян и С. Румянцева, в остальных речь идет либо только о Центральной Азии, либо о постсоветском Юге вообще, но с сильным перекосом опять-таки в сторону центральноазиатского региона. Также удивило и неоднократное упоминание К. Мурадян «государств Балтии» при описании экспансионистской политики Российской империи (Р. 21) — все же применение этого термина для реалий XVIII–XIX вв. совершенно не оправданно. Нельзя не упомянуть и о высказанном во введении тезисе, что Россия — это страна, которая занимает второе в мире место по числу мигрантов (Р. 6.). Многие эксперты уже указывали на то,

что это растиражированное утверждение абсолютно некорректно [Малахов и др. 2015: 11–12] — оно взято из оценок Всемирного банка, который считает мигрантами всех, кто родился за пределами страны пребывания. В случае с современной Россией получается, что в мигранты записываются люди, родившиеся вне РСФСР еще в советское время, а также уехавшие из бывших союзных республик в 1990-е гг. Поэтому приводить эти данные при оценке масштабов трудовой миграции в Россию было бы неправильно. Однако эти замечания, как нетрудно заметить, относятся к частностям. Говоря же в целом, нужно признать, что выход коллективного труда, который я имел удовольствие прочесть, станет большим подспорьем для всех, кого интересуют постсоветские трансформации.

Библиография

Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. 2001. № 4. С. 6–26.

Малахов В.С., Мкртчян Н.В., Вендина О.И. и др. Международная миграция и устойчивое развитие России. М.: ИД «Дело» РАНХИГС, 2015. (Научные доклады: социальная политика). 120 с.

Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2007. 588 с.

Денис Летняков

Review of Sophie Hohmann, Clarie Mouradian, Silvia Serrano, Julien Thorez (eds.). *Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*. L.; N.Y.: IB Tauris, 2014, 399 pp.

Denis Letnyakov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Verdanskogo pr., 82/9, Moscow
letnyakov@mail.ru

This review is devoted to the book *Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*. It is the product of an international research project by historians, anthropologists, political scientists, demographers, and some other scholars. The key point of the book that connects all the authors is the analysis of the Post-Soviet Caucasus and Central Asia as a “new Global South.” From this perspective, the problems of

poverty, migration, social inequality, and state and nation-building are considered in the monograph.

Keywords: the post-Soviet space, “new South”, Central Asia, Caucasus, postcolonial studies, migration, poverty, inequality.

References

- Fukuyama F., *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST Publ., 2007, 588 pp. (In Russian).
- Kapustin B. G., ‘Konets “tranzitologii”?’ (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletia) [The End of Transitory? (About the Conceptualisation of the First Post-Communist Decade)], *Polis*, 2001, no. 4, pp. 6–26. (In Russian).
- Malakhov V. S., Mkrtychyan N. V., Vendina O. I. et al., *Mezhdunarodnaya migratsiya i ustoychivoe razvitiye Rossii* [International Migration and the Sustainable Development of Russia]. Moscow: “Delo” RANHIGS Publ. (Papers: Social Policy), 2015, 120 pp. (In Russian).